

Рецензии

НАТАЛИЯ А. ВОЛКОВА¹

Московская архитектурная школа (МАРШ), Москва, Россия; Алматыгенплан,
Алматы, Казахстан

ORCID: 0000-0002-6798-963X

Зачем возвращаться домой? Краткий экскурс в историю российской фундаментальной социологии. Рецензия на книгу: Баньковская С.П. (2023) Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. СПб.: Издательство «Владимир Даль»

224

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-224-241

Предварительные замечания

Любой, кто пишет рецензию, ставит себя в положение Чужака по отношению к Книге и ее Автору. Эта рецензия не исключение, но отсылка к фигуре Чужака требует трех уточнений.

Отчужденность рецензента продиктована, во-первых, самим жанром рецензии, а во-вторых, моей позицией Рецензента, свя-

1 Наталья Алексеевна Волкова — MA in Sociology (University of Manchester), магистр градостроительства (ВШУ НИУ ВШЭ), преподаватель модуля «Урбанизм» в Московской архитектурной школе (МАРШ). Ведущий научный сотрудник «Алматыгенплан». Научные интересы: социальная топология, социология права, социология города. E-mail: chestrek@gmail.com
Natalia A. Volkova — MA in Sociology (University of Manchester), Master of Urban Development (Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Higher School of Economics), Lecturer of the Urbanism module at the Moscow School of Architecture (MARCH), lead researcher, "Almatygenplan". Research interests: social topology, sociology of law, urban sociology. E-mail: chestrek@gmail.com

занной с книгой двойным образом, через социологию и через городские исследования. Фигура Чужака работает особенно хорошо, когда рецензия касается книги, к которой имеют прямое отношение две ключевых фигуры российской фундаментальной социологии — Светлана Петровна Баньковская (далее — СП), Автор книги, и Александр Фридрихович Филиппов (далее — АФ), ее Редактор и автор предисловия. Рецензенту остается роль Маргинала, поскольку он не до конца Другой по отношению к Автору и Редактору, но и находится вне круга взаимодействия лицом-к-лицу.

Книга СП работает как зеркало европейской социальной мысли и, прежде всего, последней волны исследований науки и технологий. Это объясняет, почему рецензия на книгу о классических социальных концепциях оказывается в номере, посвященном семиотике. Чужак Зиммеля, который выступает отправной точкой для рассуждений СП, разрывает взаимодействие «своих», принадлежащих к одной социальной группе, он — «третий», который делает взаимодействие пары социальным (об этом см. раннюю работу Зиммеля о социальной дифференциации: [Зиммель 1996]). Чужак оказывается важным элементом социальной семиотики — он переводит оппозиционные отношения в ситуацию семиотического обмена значениями и означивания. К фигуре Чужака отсылают обе базовые социальные роли в семиотике — знака и означающего. Разговоры про семиотику и про Чужака оказываются связаны: Чужак делает возможной существование базовой версии социальных семиотических отношений.

225

Наконец, логика рецензии как краткой заметки о книге вступает в противоречие с рекомендацией, которую дает АФ в предисловии: есть много техник быстрого чтения и краткого отзыва на *чужие* тексты, но книгу СП нужно читать медленно и вдумчиво, чтобы ухватить ее смысл и увидеть более глубокие пласты логики (с. 6). Рецензент не следует этой рекомендации. В свое оправдание Рецензент может сказать, что рецензия работает как особого рода дрейф по ландшафту книги [Дебор 2017]. Рецензент не пытается пересобрать текст или выстроить из него новую теорию, он лишь следует за логикой Автора, пытается экспериментальным путем сделать явными перепады высоты, ложбины и пики, водовороты и воронки. В этом смысле задача рецензии — отметить ключевые точки в изложении автора, дать инструменты для анализа и определить логику его проведения, действуя, подобно навигационному аппарату [Law 1984] для будущих читателей.

Дрейф по ландшафту книги не предполагает экспликации теоретической логики Автора, или ее реконструкцию Рецензентом, в фокусе анализа не конкретные аргументы, а позиция, из которой они

сделаны. Эта позиция не заявлена Автором явно, однако именно она определяет основные характеристики теоретического ландшафта, который описывает Автор. Чтобы реконструировать позицию Автора, необходимо обозначить базовую линию, вдоль которой идет дрейф, опорные точки для движения и шаги — способы перехода между опорными точками рассуждения.

У предлагаемой реконструкции есть и эмпирическая цель: на примере книги СП проанализировать подход к «медленному» чтению, о котором говорит в предисловии Редактор. Гипотеза в том, что метод «медленного чтения» является точкой сборки для «фундаментальной социологии», то есть социологии, которая сформировалась еще в 2000-е годы на социологическом факультете Шанинки и в Центре фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в Москве. Метод медленного чтения построен на детальном знакомстве с классическими текстами и реконструкции теоретических сюжетов классической теории, однако оставаясь исключительно в рамках отдельного текста и его аргументов. К этой традиции работы с социальной теорией относятся все три участника обсуждения — Автор, Редактор и Рецензент, что делает возможным разговор на одном теоретическом языке.

226

Траектория дрейфа: от функционального объекта к объект(ности/ивности) метода

Обозначим для начала основные линии рассуждения Автора. Эти линии определяют границы теоретического ландшафта книги и представляют основные оппозиции и различия в ней. Далее от первого крупного наброска ландшафта книги анализ пойдет глубже, к отдельным поворотным точкам изложения.

Во-первых, текст написан из классической социологической перспективы: это значит, что для Автора и Редактора принципиально уйти от разговора об объекте к разговору о Другом как субъекте (с. 37-38). За этой принципиальной позицией стоит критика материального и семиотического поворота в социологии, который говорит об объекте как об *акторе*, присваивая ему субъективные черты, но сохраняя за ним статус материального объекта. Отказ от *объекта* и исследования *объектности*, или *объективности*, возвращает социологию к критике Поппера, который утверждает, что социология и другие гуманитарные области не являются наукой, поскольку не обладают критериями объективности, которые есть в исследованиях физического (объектного) мира [Поппер 2004]. Попперовский вопрос не озвучен в книге СП, СП явно обращается лишь к «гоббсовской проблеме» доверия и социальной солидарности, обсуждению доверия и недоверия посвящено заключение

книги. Но поскольку исследование заявлено как теоретико-ориентированное, оно ставит вопрос о способах исследования, которые связаны с этой теорией. Попперовский вопрос отсылает и к стиранию границы субъект-объектных отношений, который занимает СП и который она описывает как наследие Декарта: как наука может быть не-объективной, что значит следовать за субъектом, а не за объектом (с. 41)?

Говоря о стирании субъект-объектных отношений и возникновении фигуры Другого там, где был объект, СП сначала последовательно выделяет функции субъекта в его отношениях с группой и раскладывает этого субъекта на элементы, основанные на оппозициях «свой-чужой» (Чужак), «член группы — между групп» (Маргинал). Другой и Чужак обладают субъектностью по отношению к группе и поэтому вынуждены адаптировать под себя ее культурный образец. У Маргинала остается минимум субъектности, так как он полностью не принадлежит ни к одной из групп, а существует «между».

Отношения Другого, Чужака и Маргинала с группой имеют временной характер и из-за этого всегда остаются частично субъективны, встроены в процесс разворачивания социальных отношений. Однако СП упоминает и другой вид инаковости, связанный с объектами, — пространственный, он образуется подвижностью границ (фронтирами) и изменчивостью, подвижностью среды (или ландшафтом). Однако даже обращаясь к пространственным темам, СП остается верной анализу субъективности: пространство проявляется через социальные отношения и статусы, т.е. гражданство и миграцию, или сквозь призму «транзитивности» и открытости среды для взаимодействия.

Таким образом выстроена книга: предисловие Редактора обозначает общие проблемы, две главы посвящены вопросу о субъектности Другого и Чужака, третья глава описывает Маргинала или человека-между-мирами-и-сообществами, четвертая и пятая развивают идеи фронта/гражданства и среды/открытости, а заключение суммирует выводы из работы и рассуждает о проблеме объективности и (не)доверия. В результате вместо описания объектов как субъектов, которое предлагает социология материальности, СП превращает субъектов в объекты, задавая им определенную программу действий в соответствии с их функцией по отношению к социальной группе и ее культурному образцу.

Переход от субъекта к объекту, который совершает СП, важен не только тем, что позволяет по-новому посмотреть функциональную структуру социальных отношений через введение фигуры Другого/Чужака/Маргинала и проследить движение от функциональной логики, характерной для СП, к семиотическим отношениям. Он касается самого предмета социологии

и позиции социологии как науки по отношению к другим наукам, в первую очередь естественным и точным. Обращаясь к фигуре субъекта, социология оказывается Чужаком во взаимодействии с культурным образцом естественных и точных наук и в этом смысле подвержена упрекам и критицизму Поппера. Чтобы избавиться от этой критики, социологии необходимо найти другой источник объективности — не в объекте, а в субъекте. СП предлагает вариант этого перехода, обращаясь к анализу взаимодействия субъекта со средой и способам объективации этого взаимодействия.

Книга СП показывает, как возможна объективность в социальных субъективных взаимодействиях. Развивая логику СП, можно рассматривать социологию (как и другие науки) как метод анализа среды, который устанавливает физические границы для взаимодействия и социальных отношений. В этой среде оказывается, что не так важна цель движения, как способ двигаться, или метод. Таким образом, социология копирует естественнонаучный культурный образец, для которого характерно недоверие к наблюдаемым явлениям и проверка их экспериментальными методами. Стремясь стать «наукой» по Попперу, социология обращается к устойчивой материальной структуре метода. Вместо объекта предметом исследований становится метод, который опирается на материальную структуру, но гибок по отношению к субъективным чертам социальных акторов.

Устойчивость метода проявляет структуру социологической аргументации и ограничения ее применения, а также возможности для экспериментов и фальсификации (проверки) гипотез, так же как это происходит в естественных науках. В то же время наличие метода и его материальных воплощений в виде набора инструментов (технических или регуляторных) позволяет расширять зону академической работы и показать ее ограничения при переходе от академического обсуждения к публичному. Тем самым у социологии появляется возможность остаться количественной и работать с массовыми публичными и прикладными проблемами.

Переход от академической к публичной и прикладной социологии ставит под вопрос одно из главных обещаний Автора книги — предложить теоретико-ориентированный подход к исследованиям социального. Отсутствие или наличие хорошей теоретической проработки понятий — это то, от чего, с точки зрения Редактора, зависит возможность развития науки. Упрекая современную евро-американскую социологию в отсутствии работы с понятиями, Автор и Редактор обращаются к евро-американской социальной теории с целью ее актуализировать для построе-

ния новых понятий. Задачей Автора тогда становится показать возможности теоретизирования в прикладных исследованиях перехода от функционального объекта к объект(ности/ивности) метода.

Отправные точки

Если читать книгу последовательно, то первая отправная точка для разговора о теории появляется во введении Редактора. АФ пишет: *«Не говоря уже о ее [современной социологии] теоретическом упадке, она в работе с привычными понятиями во многом полагается на философски не проясненные, остающиеся в области обыденных представлений интуиции, отказывается не то что от решения, но и от постановки вопросов, выходящих за пределы не только ближайших прикладных задач, но и за границы всякой возможной теории»* (с. 9). Этому упадку современной, уточним, евро-американской социологии АФ противопоставляет проект исследования инаковости, который определяет *Другого* не в рамках конкретных исторических и социальных ситуаций, но как аналитическую рамку для анализа и идеальный тип (с. 20). Сама Автор пишет об этом так (курсив сохранен): *«Мы предполагаем, что «маргинал» является универсальным социальным типом. <...> А в методическом плане «маргинальность» — новый идеальный тип для анализа социальной реальности»*. При этом сам текст выстроен в жанре *«исторической реконструкции аргументов, которые можно найти в классических текстах»* (с. 7).

229

На первый взгляд представленное позиционирование книги выводит ее за пределы современного евро-американского социологического дискурса по нескольким причинам. На поверхностном уровне это связано с тем, что Автор и Редактор действуют в русле фундаментальной социологии с ее ориентацией на работу с классическими текстами. Это проявляется двояко. Во-первых, аргументация в книге работает непривычным для современного читателя социологических текстов способом. Вместо набора кейсов и разбора эмпирических ситуаций ему предлагают углубляться в определения теоретических концептов и разбирать аргументы, часто далекие от его повседневной реальности (хотя в книге есть и эмпирические кейсы про постсоветское гражданство и миграцию). Во-вторых, работа СП принципиально игнорирует сложившийся в современной евро-американской традиции подход, согласно которому тексты должны выстраиваться в диалоги с «живыми» участниками теоретического дискурса, а не только отсылать к авторитетам и классикам, что в большей степени допустимо для курсов лекций, учебников и хрестоматий. В-третьих, в ответ на поворот к практическому методу в со-

циологии [Ло 2015; Lury, Wakeford 2012; Callon 1998] Автор предлагает теоретически-ориентированный подход к исследованию, в основе которого лежат концепты, понятия и определения, а не практики и рутина.

Тем не менее книга СП говорит об актуальных явлениях повседневной жизни в практическом плане: о солидарности/социальности маргиналов (с. 286) и «естественной установке» на недоверие (с. 293). Более того, ключевым вопросом, к которому в конце подводит читателя Автор, хотя и не дает решения, становится вопрос о возможности социального порядка, представленного в форме *беспорядка*, но не хаоса (с. 293). Вопрос о беспорядке и недоверии как основе социального порядка, который автор называет «гоббсовской проблемой», дает ключ к лучшему пониманию взаимодействия между традицией фундаментальной социологии, которой следует автор, и традицией евро-американской социологии, которую критикует Редактор. Так, несмотря на жесткий упрек АФ в предисловии в адрес евро-американской социологии и утверждение, что в ней отсутствует теоретическая проработка социальных понятий, именно вопросы о беспорядке, неустойчивости и мобильности лежат в основе перформативной версии материальной семиотики [Law 2009] и «мягких» исследований (*care-ful research* — непереводаемая на русский игра слов), которые развивают Джон Ло и его коллеги [Law 2021], а также *интер-дисциплинарных методов*, которые изучает Селия Лури [Lury, Wakeford 2012].

Общность обсуждаемой проблемы при различии методов ее теоретического или аналитического описания в евро-американской и фундаментальной социологии позволяет выдвинуть несколько гипотез. Во-первых, можно предположить, что если СП предлагает теоретическое описание проблемы недоверия и беспорядка, то и в евро-американской социологии оно также существует, но принимает иную, неклассическую форму. Во-вторых, можно предположить, что фундаментальная и евро-американская социология по-разному понимают, что такое теория и как она связана с методом. В-третьих, различное понимание теории основывается на разном понимании оснований социологии и различном определении классики и классичности текстов. Можно предположить, что Автор книги пересобирает на теоретическом языке классиков социологии концепты и определения, аналоги которых можно найти в современной евро-американской традиции. Однако остается не ясным, почему в фундаментальной социологии возникает необходимость вернуться к теоретическим основаниям дисциплины вместо того, чтобы реконструировать существующие евро-американские способы социологического теоретизирования и встроиться в прямой диалог с ними.

Другой вопрос, актуальный для современного читателя как российских, так и евро-американских социологических текстов, — какой должна быть стратегия чтения книги, чтобы она работала не только в явном диалоге с классическими работами, но и в неявном диалоге с современными социальными исследованиями? Иначе говоря, что остается скрытым и недоступным российскому читателю современной социальной теории, из-за чего он должен вернуться к истокам — из-за чего он должен «вернуться домой», говоря словами Шюца? Как можно реконструировать неявные отношения фундаментальной и евро-американской социологии, какие отсылки и конфронтации скрывают или лишь вскользь проговаривает Автор и Редактор книги?

Наконец, если вопросы отношений фундаментальной и евро-американской социологии успешно разрешаются, то остается основной и наиболее важный: что может дать подход «вернувшегося домой» российского фундаментального социолога евро-американской традиции? В одной из своих работ АФ разбирает явление о «советской социологии» и ее полицейских функций, указывая при этом на евро-американскую традицию как на источник, благодаря которому можно вернуться в пространство академического диалога и дискуссии [Филиппов 2014] (также о смысле «полицейского регулирования см.: [Valverde 2011; Вальверде 2022]). Однако если фундаментальная социология лишь следует за евро-американской традицией, то она является вторичной по отношению к ней и не предлагает альтернативного способа теоретизирования. Автор и Редактор показывают альтернативу социологическому мейнстриму. Это заставляет рассматривать книгу как аргумент в дискуссии о деколонизации не-европейской социологической традиции, утверждении ее самостоятельности и ценности [Law, Lin 2017]. И стратегия «возвращения домой», предложенная в книге, к теоретическому «дому» социологии — классике — показывает, как осмысленная работа с разрывами в социологической традиции позволяет создавать альтернативные теоретические традиции. И в то же время подобное прочтение книги СП показывает, что дает работа с общими проблемами разных теоретических традиций, как она делает видимыми «белые пятна», которые возникают в рамках культурного образца каждой из них.

Попробуем последовательно ответить на эти вопросы, и показать принципиальные точки стыковок и метод перевода между двумя традициями. Для этого далее будут показаны три шага, или три этапа перехода от евро-американской классической теории к концептуализации недоверия и беспорядка, реализованные в книге.

Пересечения и конфликты

Шаг первый: среда и материальность текста

На вопрос о том, зачем нужно возвращаться к классикам, ответ СП и АФ достаточно краток и ясен: чтобы вернуться к теоретическому рассуждению о социальном и исследованию его границ. СП пишет: *«Требуется ответ на вопрос, есть ли у социального изначальный, безусловный состав (его могла бы описывать элементарная социология) и надстраивающиеся над этой первичной основой вторичные (производные или составные) объекты»* (с. 30).

К первичным, неразложимым социальным элементам СП относит Другого (с. 38), а также Чужака и Маргинала как его две ипостаси, которые появляются в классической социологии Зиммеля, Чикагской школы социологии и Шюца. Обращение к Другому как социальному элементу сопровождается оговоркой, что этот элемент не является ни чистым объектом, ни чистым субъектом (с. 42-43), но существует на границе психологического и материального мира. Однако если концепт границы между социальным и психологическим миром Автор проговаривает явным образом на примере Маргинала (с. 157-158), то граница материального и социального остается смазанной и упоминается лишь в связи с посткартезианским характером Другого как познаваемого объекта и одновременно познающего субъекта (с. 40-41).

Принципиальный отказ Автора от рассмотрения материального при рассуждении о социологической теории, и в особенности в контексте рассуждения о фигуре Другого, представляется существенным для всего характера аргументации и построения теории в книге. К вопросу о роли материальности Автор подходит практически в каждой главе, особенно если учесть роль материальности в американском прагматизме Дж.Г. Мида [2009] и в городской экологии Р. Парка [2002], и в анализе фигуры Чужака и Маргинала, к которым Автор неоднократно возвращается. Однако границу, которая отделяет классическую социологию от социологии после материального поворота (к которой относятся акторно-сетевая теория, социология науки и техники, социальная топология), Автор принципиально не пересекает, занимая по отношению к ним позицию принципиально Другого.

Подобное игнорирование Автором материального порождает в книге особую стратегию социологического чтения текстов социальных исследований с фокусом на явно высказанных аргументах, позициях и описанных ситуациях. В то же время подобный способ социологического чтения классики исключает из внимания в терминах Автора *среду*, в которой существуют

эти аргументы, то есть «естественно-социальный континуум», в котором они укоренены (по аналогии с людьми, см. с. 236-238). В результате происходит теоретическая реконструкция аргументов в тексте, но она лишена исторической составляющей. Следуя за Автором, читатель переходит между понятиями, взятыми у Зиммеля (Чужак), Шюца (Возвратившийся домой) и Парка (Маргинал). Однако СП не показывает, чем является эта линия понятий — исторической реконструкцией миграции одного теоретического концепта или результатом конструирования связей между концептами, существовавшими независимо друг от друга. В результате от читателя остается скрытой практическая работа по деланию теории: как выстраиваются связи и образуются разрывы между классическими текстами и их понятиями.

Построение Автором теории без учета исторического контекста опирается на основной метод фундаментальной социологии — стратегию медленного чтения, широко практикуемого в Шанинке, который предполагает работу строго в рамках имеющегося текста, без обращения к контексту его создания или более широкой дискуссии. Однако невнимание к этому естественному фону влечет за собой, согласно Автору, отсутствие возможности мобильности, перемещения и, следовательно, социальной коммуникации. В результате применение аргументов, если они применяются в новой, чуждой для их контекста ситуации и без понимания исторического контекста, будет неадекватным ситуации, пока не пройдет период эмпирической адаптации к новому культурному образцу. Возникает парадоксальная ситуация: Автор отказывается от следования логике материального поворота и анализа исторического контекста появления концептов, но подчеркивает важность среды для анализа ситуации. Однако как игнорирование среды, в которой возникают социологические аргументы, связано с упреком АФ в адрес современной евро-американской социологии, что в ней отсутствует теоретическая проработка понятий отсутствия современной социальной теории? И как проявляется материальность и среда в текстах?

233

Шаг второй: классика как «дом» социальной теории

Поворот к материальности, который произошел в европейской, а затем и в американской социологии в 70–80-х годах, был связан с представлением о невозможности собрать гладкую и непротиворечивую теорию. Вместо этого социальные теоретики попытались собрать несколько достаточно обобщенных философских конструкторов, построенных на совмещении материального и со-

циального действия, на способе конструирования проблем или способах создания и расширения сетей. Все эти подходы пользовались очень обобщенным теоретическим инструментарием. В то же время социологические подходы, всерьез воспринявшие поворот к материальному, были предельно сфокусированы на анализе различных эмпирических кейсов, которые бы позволяли выявлять и анализировать конкретные конфигурации социальных отношений и способы их изменения, в зависимости от ситуаций. В результате социальная теория, способы ее конструирования, обсуждения и аргументации оставались за пределами текстов как основных и доступных для удаленного восприятия способов репрезентации и убеждения. Теория становилась «молчаливой», отражалась не в самих аргументах, а в способах их организации, в том числе в виде материальной организации текста (см., например: [Волкова 2022]).

234

Тезис о «молчаливости» современной евро-американской социальной теории представлен в этом тексте, конечно, в качестве гипотезы, хоть и подтвержденной эмпирическими кейсами. Тем не менее некоторые свидетельства допустимости такого объяснения есть и у Автора книги. Чтобы четче проявить их, необходимо сделать еще один предварительный ход: развернуть более раннее утверждение Автора, что возвращение к классике в российской фундаментальной социологии сродни «возвращению домой» Шюца. Автор описывает *Homotopie*, или «Вернувшегося домой» Шюца как Чужака, чья чуждость по отношению к социальной группе вызвана его временным отсутствием в ней (с. 147-154). При этом «дом» понимается как изначальная группа, для которой Вернувшийся когда-то был «своим», но эти связи ослабли или исчезли из-за двойных изменений: группы в его отсутствие и его самого за счет нового опыта в ходе путешествий. Книгу СП как «возвращение» к классике Редактор представляет во введении: в отличие от современной социологии, классическая социология продуктивно работала с философской проблематикой, и именно в этой традиции выполнена книга СП (с. 8-9). «Домом» теоретической социологии оказывается работа с философской проблематикой и поиск ответов на философские вопросы, которые находят свое разрешение в исследовании *социальной онтологии*, которой и посвящена книга. Но пускают ли «вернувшуюся» фундаментальную социологию обратно, или «свои» настолько изменились, что возможность найти общий язык уже представляется затруднительной и для этого требуется особое методическое усилие и обновленные стратегии социологического чтения классических и современных текстов?

Чтобы понять специфику возвращения в пространство евро-американской социологии классической традиции, которую раз-

вивает российская фундаментальная социология, нужно понять условия, которые необходимы, чтобы Чужак, будь то просто Странник или Возвратившийся, смог войти в новую социальную группу. Автор пишет, что культурный образец группы, который Чужак должен освоить, чтобы встроиться в нее, не является для него ни цельным, ни само собой разумеющимся (с. 84-85) или молчаливым, скрытым знанием. Чужак должен встраиваться в существующие паттерны коммуникации, чтобы научиться делать для себя элементы культурного образца действующими или *говорящими* и понимать, каким образом они работают. Однако, дополняя СП, можно предположить, что если Чужак будет игнорировать материальные, молчаливые элементы взаимодействия — жесты, позы, мимику, они просто не будут для него существовать. Если же теория начинает воплощаться не словесным образом, а в способе материальной организации текста, то есть в организации структуры текста, параграфов, заголовков, иллюстраций и их оформления, то игнорирование этой материальности может привести к выводу об отсутствии теории.

Именно эта ситуация возникает при обращении теоретиков фундаментальной социологии, СП и АФ, к современным социальным исследованиям: акцент на *социальном* содержании текста, аргументах и позициях, оставляет слепой зоной сферу материальной организации текста. И тогда совершенно иначе выглядит обращение к классической и философской традиции социологии в книге — это уже не только логика фундаментальности социологии, но и попытка вернуться к *общим основаниям*, «дому» социологии или социологическому канону [Baehr 2017], чтобы выстроить диалог с современными исследованиями. Однако для того, чтобы этот диалог состоялся, необходимо признание двух аспектов ситуации: отчужденности фундаментальной социологии от современной социологической коммуникации и проблемы игнорирования материальных и молчаливых аспектов текстов.

235

Шаг третий: может ли Чужак вернуться домой?

Из предыдущего изложения становится ясно, что книга СП и — шире — проект фундаментальной социологии работает как Чужак и Маргинал для современной социальной теории, который существует на пересечении двух миров социально-психологического и социально-материального. Тем не менее СП и АФ представляют себя скорее в роли Возвратившихся домой, где «домом» выступает классика социальной теории и философская проблематика. Такая позиция позволяет фундаментальной социологии сохранить ста-

тусное равенство с современной евро-американской социологией — обе исходят из одного истока, обе апеллируют к одним и тем же именам, но в силу исторических обстоятельств российская социология «заблудилась» в период советского проекта и ушла в сторону от проторенной классиками дороги. Однако такая позиция со стороны «фундаментальной социологии» в России не означает, что эта общность истоков будет признана и евро-американской традицией.

Автор пишет, ссылаясь на Зиммеля и Шюца, что Чужак объективирует социальную группу, в которую он пытается встроиться. У Чужака, который не имеет доступа к общим корням, эта объективация происходит через анализ и сопоставление происходящего здесь-и-сейчас, у него на глазах и его предшествующего опыта взаимодействия с социальной группой. Возвратившийся домой имеет два ресурса для объективации культурного образца группы: общее знание, которое было до его ухода, и его актуализация через взаимодействие здесь-и-сейчас. Тогда, в отличие от Чужака, возвратившийся Свой может показать, насколько культурный образец группы изменился, или она отклонилась от своих истоков. С одной стороны, Возвратившийся предъявляет группе ее собственные основания и тестирует их актуальность. С другой — наблюдая неактуальность устоявшихся позиций и появление новых, Возвратившийся может попытаться описать их на языке изначального культурного образца. Тем самым Возвратившийся восстанавливает связь изменившегося культурного образца с его изначальным вариантом или актуализирует изначальный вариант до максимально близкого соответствия социальной группе здесь-и-сейчас.

СП также производит актуализацию культурного образца — или классических социологических понятий — для современной социологии и стоящих перед ней проблем. На это указывают два момента в книге: общие для фундаментальной социологии и современной евро-американской социологии проблемы беспорядка, неустойчивости и маргинальности и проблема описания постсоветского гражданства в общепринятых международных терминах. Соответственно, актуализация культурного образца социологической классики смещает акцент с повседневных ролей в социальной группе на весь спектр *инаковости* от Другого до Маргинала, который при полном выпадении из коммуникации с группой станет Аутсайдером.

Книга СП актуализирует фигуру Чужака на периферии социального, там, где современная евро-американская теория видит скрытое, неявное или материальное. Фигура Чужака позволяет сделать эту картинку объемной: больше нет «своего» явного порядка и «чужих» скрытых, которые представлены лишь частично,

отдельными фигурами. Вместо этого речь идет о взаимодействии различных социальных порядков, которые в каждой конкретной ситуации уравниваются через взаимодействие их представителей, которые друг для друга выступают Маргиналами и Чужаками. Именно поэтому явно можно наблюдать лишь беспорядок, так же как это описывалось в «больших городах» Зиммеля [2012]. Однако этот беспорядок имеет свои границы и поэтому не превращается в хаос.

Границами социального беспорядка оказываются разрывы в социальном взаимодействии, которые маркируются чуждыми материальными объектами. Так, например, если разделить враждующие стороны в пространстве или во времени, их конфликт ограничен их материальным, пространственно-временным разрывом и реализуется только через сеть опосредованных материальными объектами взаимодействий. Тем самым становится понятна роль классической традиции для современной социологии: классики оказываются «Чужими» для актуального способа рассуждения (например, современной социологии, лишь изредка и неявно обращающейся к классике), который определяет границы возможной изменчивости системы социальных понятий и ее элементов. При этом обращение к «классике» из перспективы различных социологий, которые остаются чужими друг другу, позволяет им найти общий язык и выстроить систему отношений и взаимодействия.

237

Стратегии навигации и чтения

Книга СП развивает социальную теорию беспорядка и недоверия, которая противостоит современной социальной евро-американской традиции, хотя и обращается к общим для обоих подходов классическим текстам. Тем самым СП показывает границы мобильности современного евро-американского способа теоретизирования. Такой границей становится «возвращение домой» к социологической классике, которое реализуется социологами на постсоветском пространстве и позволяет им выстроить свой альтернативный проект — фундаментальную социологию. Оказывается, что наличие общего «дома» может так же стать основанием для разрыва, как и для установления более плотных связей. В результате полноценный диалог между двумя социологическими подходами оказывается невозможен до тех пор, пока один из участников диалога не стал Чужаком по отношению к собственному опыту и культурному образцу. В ином случае социальные понятия, имеющие источником один культурный образец, будут искажать объект исследования, реальность которого существует

в рамках другого культурного образца. Эмпирическая реальность и практика оказываются «чужими» для социальной теории и устанавливают границы ее применимости.

Однако работа, проделанная в книге СП, расширяет возможности применения понятий современной социологии и для постсоветского пространства, поскольку апробирует метод, которым устанавливаются связи, определяются ограничения и реализуется перевод между двумя культурными образцами. Необходимость такого перевода и невозможность прямого переноса понятий связана с позицией Другого и его ролью в социальных отношениях. В отношениях социологического евро-американского мейнстрима и фундаментальной социологии социологические понятия мейнстрима оказываются чужими по отношению к постсоциалистическому образцу и поэтому требуют адаптации, которая реализуется через возвращение к теоретическому «дому» — классике.

Как показывает СП, Чужак — это «третий» во взаимодействии, не принадлежащий здесь-и-сейчас — ни пространству, ни времени полностью, но пребывающий в постоянном движении, объект, который нельзя полностью описать, но можно обозначить. Это позволяет связать фигуру Чужака с семиотической традицией анализа: семиотическим объектом оказывается объект, который находится в постоянном движении и постоянно изменяется [Greimas 1986; Урри 2012]. Именно наличие семиотических, а не функциональных связей у Чужака делает невозможной прямую оппозицию: схватить и зафиксировать значение подвижного объекта возможно, лишь встроив его в сеть противопоставлений, тем самым сделав его посредником между несовпадающими культурными образцами. Для евро-американской и фундаментальной социологии таким семиотическим объектом-посредником оказывается классика, дом, к которому и та и другая традиция в разной степени обращаются. В то же время сама логика взаимодействия различных социологических традиций, которые выстраивают семиотические, концептуальные и эмпирические связи через обращение к классике, позволяет по-новому посмотреть на проблему ограниченности евро-американской социологии и возможности ее деколонизации, то есть соотнесения ее с другими не-европейскими социологическими проектами. Другой версией семиотического объекта-посредника, который возникает между двумя социологическими традициями, оказываются эмпирические кейсы и их исследования: они могут быть описаны с помощью разных теоретических языков и различия в их описаниях делают видимыми разрывы между теоретическими подходами.

Книга СП показывает на примере подхода фундаментальной социологии, что деколонизация евро-американского подхода будет означать установление общих связей, «дома», который бы стал исходной точкой для различных культурных образцов социальной теории. Другой вопрос, что таких «домов», так же как и Чужаков, может быть много, в зависимости от того, насколько тесные интеллектуальные и культурные связи были между географически разрозненными социологическими традициями. В этом смысле необходимо отметить, что классика и философская проблематика для разных традиций также будут различаться, делая само понятие «дома» или социальной классики мобильным, мигрирующим или кочевым [Урри 2012]. В кочевом доме работает «иное доверие — «вера без гарантии, но вместе с тем и доверие, которое сильнее всякого подозрения»» (с. 298).

Библиография / References

Вальверде М. (2022) Глазами города: диалектика современных и домодерных способов видения в городском управлении. *Городские исследования и практики*, 7(3): 116-139.

239

— Valverde M. (2022) Seeing like a city: The dialectic of modern and premodern ways of seeing in urban governance. *Urban Studies and Practicies*, 7(3): 116-139. — in Russ.

Волкова Н.А. (2022) Неклассический канон ANT/STS: как корабль превращается в насос? *Философия. Журнал высшей школы экономики*, 6(2): 39-80.

— Volkova N. (2022) Non-classical canon of ANT/ STS: how a vessel turns into a pump? *Philisophy. The Journal of the Higher School of Economics*, 6(2): 39-80. — in Russ.

Дебор Г.-Э. (2017). *Психогеография*. М.: Ад Маргинем Пресс.

— Debord G. (2017) *Psychogeography*. М.: Ad Marginem. — in Russ.

Зиммель Г. (1996) О социальной дифференциации. *Избранное. Том 2. Созерцание жизни*, М.: Юрист.

— Simmel G. (1996) On social differentiation. *The Selected works. Vol. 2. The view of Life*. М.: Jurist. — in Russ.

Зиммель Г. (2002) Большие города и духовная жизнь. *Логос*, 3(34): 1-12.

— Simmel G. (2002) Bol'shie goroda i dukhovnaia zhizn'. *Logos*, 3(34): 1-12. — in Russ.

Ло Д. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука*. М.: Институт Гайдара.

— Law J. (2015) *After method: Mess in social science research*. М.: Gaydar Institute. — in Russ.

Мид Д.Г. (2009) *Избранное* / Сост. и пер. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН.

— Mead G. (2009) *Selected works* / Ed. V.G. Nikolaev. M.: INION RAN. — in Russ.

Парк Р. (2002) Город как социальная лаборатория. *Социологическое обозрение*, 2(3): 3-12.

— Park R.E. (2002) The city as a social laboratory. *The Social Russian Review*, 2(3): 3-12. — in Russ.

Поппер К.Р. (2004) *Предположения и опровержения: Рост научного знания*. М.: АСТ, Ермак.

— Popper K.R. (2004) *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. Moscow: ACT / Yermak. — in Russ.

Урри Д. (2012) *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

— Urry J. (2012) *Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century*. M.: Higher School of Economics. — in Russ.

Baehr P. (2017) *Founders, classics, canons: Modern disputes over the origins and appraisal of sociology's heritage*. Routledge.

Callon M. (1998) Introduction: the embeddedness of economic markets in economics. *The sociological review*, 46(1_suppl): 1-57.

240

Greimas A.J. (1986) For a topological semiotics. In *The city and the sign: an introduction to urban semiotics* (pp. 25-54). Columbia University Press.

Law J. (1984) On the methods of long-distance control: vessels, navigation and the Portuguese route to India. *The Sociological Review*, 32(1_suppl): 234-263.

Law J. (2009) Actor network theory and material semiotics. *The new Blackwell companion to social theory*, 3: 141-158.

Law J. & Lin W.Y. (2017) Provincializing STS: Postcoloniality, symmetry, and method. *East Asian Science, Technology and Society: An International Journal*, 11(2): 211-227.

Law J. (2021) From After Method to care-ful research (a foreword). *Intimate Accounts of Education Policy Research: The Practice of Methods*; Routledge: New York, pp. xvi-xx

Lury C. & Wakeford N. (2012) Introduction: A perpetual inventory. In *Inventive Methods* (pp. 1-24). Routledge.

Ruming K. (2009) Following the actors: mobilising an actor-network theory methodology in geography. *Australian Geographer*, 40(4): 451-469.

Рекомендация для цитирования:

Волкова Н.А. (2023) Зачем возвращаться домой? Краткий экскурс в историю российской фундаментальной социологии. Рецензия на книгу: Баньковская С.П. (2023). Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. СПб.: Издательство «Владимир Даль». *Социология власти*, 35 (2): 224-241.

For citations:

Volkova N.A. (2023) Why Return Home? A Short Excursion into the History of Russian Fundamental Sociology. Book Review: Bankovskaya S.P. (2023). Strangers

and Borders. Research in the Sociology of Marginality. St. Petersburg: Publishing House "Vladimir Dal". *Sociology of Power*, 35 (2): 224-241.

Поступила в редакцию: 24.05.2023; принята в печать: 20.06.2023

Received: 24.05.2023; Accepted for publication: 20.06.2023